

Окончание. Начало — на стр. 1

Я стоял на берегу Уссури, глядя на китайский берег в рыжих не опавших дубах, на заснеженный остров с красными лёжками, в которых на снегу лежали раненные и убитые пограничники, и их вытягивали за ноги телефонным проводом под прицелом китайских снайперов. Я стоял на берегу Уссури, подо льдом гремела вода, словно рокотали невидимые подлёдные колокола. И это был гул истории. Не той, которая исчезла, а той, которая была явлена сегодняшним днём кровавыми пограничными лёжками, пробитой сгоревшей бронёй, рыдающими матерями. Будущее грозило большой советско-китайской войной. История была не в прошлом, а в настоящем и будущем. И я стоял среди гула колоколов и чувствовал, как во мне происходят таинственные перемены. Меняется вектор моей судьбы. Из меня улетучиваются пленительные мифы о прошлом, превращаясь в грозную военную реальность настоящего, в туманные мифы о будущем. Там, на берегу Уссури, под прицелом китайского снайпера, будущее вновь поцеловало меня.

Я посещал великие заводы и стройки, восхищаясь эстетикой труда, мощью машин, собравшимися для осмысленной цели яркими, яростными, могучими людьми, одухотворёнными общим делом, творящими будущее. Я видел, как строится громадный комбинат под Тобольском. Рядом с чёрным деревянным средневековым градом поднимаются стальные конструкции нового завода-гиганта. В Экибастузе я видел, как работают шагающие экскаваторы и грызут своими стальными зубьями пласт за пластом, извлекая оттуда таинственные окаменелости лесов, в которых летали гигантские стрекозы и бабочки. Видел, как запускается электростанция в Ермаке и нажатием кнопки приводятся в движение могучие роторы и турбины. И вся степь вокруг покрывается сверкающими огнями.

Видел, как на целине бескрайние, до горизонта, золотятся поля пшеницы, и по ним, как армада кораблей, движутся красные самоходные комбайны. И комбайнёры, начиная жатву под звуки пионерских горнов, под напутствия жён и детей, через месяц, трясаясь в своих комбай-

нах, становятся чёрными, заледенелыми, покрытыми ледовой коркой, с вставшими глазами, и хлебное поле в метели кажется непроглядным жестоким морем, в котором им всем суждено погибнуть. Вместе с железнодорожными войсками я прорубал в тайге просеку, прокладывая колею для БАМа. Я плыл по Оби на огромном серебряном танкере, везущем на север горючее, туда, где начинались разработки новых газовых месторождений и впоследствии возник ослепительный Уренгой. И я видел, как на берегах Оби выстраивались новые нефтяные города. Их привозили на сухогрузах и везущем на север горючее, туда, где начинались разработки новых газовых месторождений и впоследствии возник ослепительный Уренгой. И я видел, как на берегах Оби выстраивались новые нефтяные города. Их привозили на сухогрузах и везущем на север горючее, туда, где начинались разработки новых газовых месторождений и впоследствии возник ослепительный Уренгой.

Я видел, как из цехов Воронежского завода выкатывается Ту-144, громадный, белоснежный острокопный журавль — сверхзвуковой пассажирский самолёт, и он счастливо, с рёвом моторов взлетает в небо, мчитсЯ в нём, как вольная весенняя птица.

Я был единственный из советских писателей, допущенный в святая святых советского военно-оборонного комплекса, именуемого "ядерной триадой". На атомной подводной лодке я выходил с самой северной военно-морской базы в Гренихе, "городе летающих собак", где зимой дует такой ветер, что отрывает собак от земли и носит их в воздухе круговертью. На стратегическом бомбардировщике Ту-16 я взлетал с аэродрома Орша, и мы шли на Запад к немецким городам Халле и Гамбургу, где когда-то обучались философии мои деды. И под брюхом бомбардировщиков в бомбовом отсеке таились ядерные заряды.

С мобильной установкой "Тополь", состоящей из нескольких грохочущих машин, мы мчались по снежным белорусским полям, меняя район дислокации, приближаясь к точке, откуда давался старт баллистическим ракетам. И я не знал, какие цели заложены в их программных устройствах — Лондон, Вашингтон или Марсель.

Я видел взрыв термоядерного заряда в Семипалатинске, когда заминированная гора взлетела на воздух, а потом осела, словно ей подрезали поджилки, и взрывная волна катилась по земле, ударяя мне по ногам, словно меня били двугавром. Я оказался в Чернобыле через две недели после аварии, летал на вертолёте над четвёртым взорванным блоком. Стоял в пробитой шахтёрами штольне под огнедышащим аварийным реактором, касаясь руками бетонного подпятника, над которым тлел ужасный ядовитый уголь.

Я дружил с советскими технократами, которые говорили: "Мы можем сделать всё, что не противоречит законам физики". И присутствовал на космодроме при историческом

опрокидывая её в прошлое. Он опрокидывал её в сексуальную революцию, которая растабуировала в человеке грех, распечатала в человеке зверя, превратила человека-мечтателя в человека-стяжателя и гедониста. Она погрузила советского человека во множество бессмысленных и пустых развлечений, бессчётных забав и игр, отвлекая людей от великих мировых тайн, куда стремилась мысль советского человека-искателя.

Западу, уничтожившему Советский Союз, были страшны не столько советские ракеты и подводные лодки, не столько советские танки, стоявшие на Одере и Дунае. Ему была страшна мечта о будущем — лучезарном, божественном, идеальном бытии, где нет насилия, несправедливости, хулы, "где нет болезни, пе-

тели, пучками своих сверхскоростных лучей пробивающие дорогу в грядущее. Общаюсь с великими вирусологами, сотворяющими вакцины против грядущих эпидемий, которые ждут момента, чтобы напасть на человечество. Я общаюсь со специалистами по роботам и искусственному интеллекту, стремящимися совместить искусственный интеллект с русскими кодами, с идеей русского бессмертия и русской бесконечности. Общаюсь с лингвистами, познающими тайны языка нынешнего и того, на котором говорили предки, а также тех языков, что исчезли вместе с умершими народами. Мечтающими о языке, на котором заговорили бы все народы Земли: и те, что живут, и те, что исчезли, и те, что ещё не родились. Языке, на котором говорят травы, цветы, птицы и звёзды. Тот язык, в начале которого "было слово, и слово было у Бога, и слово было Бог".

Среди нас работают архитекторы, которые проектируют города будущего — те, что встанут в Новороссии на месте разрушенных снарядами и бомбами поселений. Есть космисты, понимающие космос не только как районы для будущих космических баз и межпланетных станций, а как бесконечное огромное сотворённое мироздание, в котором существует пространство бессмертия, где "нет болезни, печали и воздыхания". То пространство, куда в последний миг жизни поднимается гибнущий за Родину герой, черпает из этого пространства чашу бессмертия и поливает из этой чаши свой народ, спасая его от гибели.

Россия возвращает своё будущее. И пусть каждый живущий в России человек очнётся от дурмана, навешанного на нас врагами рода людского, ощутит себя русским творцом и мечтателем, сыном великого богозарённого народа, возьмёт котомку, положит в неё Евангелие, поэму Пушкина "Евгений Онегин", рассказы Платонова "Одухотворённые люди", чертежи Мельникова и Леонидова, эскизы марсианского корабля Королёва и кусочек метеорита, на котором неизвестной математической формулой описано мироздание с его высшим проявлением — Царствием Небесным.

Счастливого пути, русский человек! Дойдёшь до Царствия Небесного, помолись оттуда за раба Божьего Александра Проханова.

Александр ПРОХАНОВ

ВЕРНУТЬ БУДУЩЕЕ

старте ракеты "Энергия" вместе с челноком "Буран", когда огненная белоснежная свеча унеслась в лазурь и челнок "Буран", как голубь, кувыркнувшись в небесах, совершил полёт вокруг Земли и сел на космодром, шума тормозными парашютами. Я подошёл к "Бурану", остывавшему от своих космических странствий, и тронул его тёплые, похожие на белую чешую защитные пластины, и вдыхал его запах — это был запах космоса. И космос тогда для меня пах хлебом.

Я чувствовал будущее, рвался к нему вместе с советскими космистами, ядерными физиками и биологами. И когда в перестройку, в её первый год Горбачёв обещал стране ускорение, я ждал, что перестройка ускорит наше движение к будущему. И слишком поздно понял, что у нас отбирают будущее. Перестройка была громадной концептуальной программой изъятия из советского сознания мечты о будущем, перекодировкой сознания советского человека от будущего к прошлому. Враг, победивший Советский Союз и засевший в Кремле, не просто громил советские ядерные центры, резал на американских гильотинах советские подводные лодки, уничтожал школы советских вирусологов, космистов, управленцев, он отрывал Россию от будущего,

чали и воздыхания", мечта о царстве, которое в народном сознании звалось Беловодье, в православной мистике нарекали его Царствием Божьим, а большевики называли его коммунизм. Враг отлучал нас от Царствия Небесного и от Беловодья. Он увлекал нас туда, где и по сей день бродит по бессмысленным кругам оскоплённое, лишённое мечты сознание человека.

Сегодня Россия ведёт сражение за будущее. Россия стремится вернуть себе будущее, вернуть великую мечту об идеальном бытии. За это будущее она сражается в Новороссии. И там за это будущее, за бессмертие гибнут штурмовики, наносят удары "Герани", совершают боевые вылеты Су-35, там ставят трикопор на развалинах очередного взятого населённого пункта.

Все жуткие годы перестройки, все крошечные девяностые я сражался за будущее, был окружён победившим прошлым и сражался за будущее. Был окружён олигархами, которые били меня кастетом в висок, требуя, чтобы я замолчал. Сражался за будущее на баррикадах у Белого дома и у грохочущего пулемётами Останкино. Сражался за будущее на двух чеченских войнах и на блокпостах Донецка и Луганска.

Сегодня я посещаю ядерные центры, где мы запускаем самые лучшие в мире ускорители

ностями, получить не только расу творцов-гениев, но и народ сказочно сильных воинов.

Если в итоге работы мобилизационной модели любой трудолюбивый гражданин получит просторный дом (где будет привольно троим чадам и жене-красавице), жизненные перспективы, автомобиль и личную авиетку, отличную квалификацию и достойные заработки, то цель достигнута. Твоя страна и для врага грозна, и на Марсе высаживается, и демографический кризис преодолевает, и свои просторы осваивает, и служит маящим примером для всего прочего человечества, решив заодно те

КРЫЛЬЯ "ГЕРАКЛА"

Для меня образ разумной русской мобилизации — проект самолёта-гиганта, триплана "Геракл", выдвинутый в конце 1980-х легендарным НПО "Молния", создателем и строителем космического корабля "Буран". В одном варианте между двумя корпусами триплана подвешивается пассажирский модуль, в другом — его меняют на грузовую капсулу. А в третьем "Геракл" получает батарею из полусотни дальнобойных крылатых ракет.

ИНТЕРЬЕЛЛУМ

Мобилизация как развитие

Один и тот же воздушный корабль может и создавать (работать на развитие страны), и воевать. Увы, проект похоронили под обломками СССР. Но идея жива. То есть если просто собрать людей днём и ночью клепать оружие и создавать запасы (консервы, заспиртованный хлеб, концентраты), выплачивая им при этом малые деньги и посадив на нормированное (хотя бы и по карточкам) потребление, если всех обрядить в одинаковые комбинезоны — то смерть нации наступит уже через поколение. Уже через несколько лет люди станут молиться на импортные вещи и гоняться за ними, с тоскою глядя на красивую и сытую жизнь в иностранных фильмах, рожая при этом по полпребёнка на женщину и спиваясь (описываю реалии Одессы 1980 года). Мы ведь такое в СССР уже проходили. Но представим себе иную мобилизацию. Развивается техника, которая может служить и для боя, и для созидания. Конечно, танк (пускай и с девятью дронами на борту) не превратится в трактор или дорожно-строительную машину. Но тот, кто умеет делать такие "колесницы XXI века", сможет выпускать комбайны-роботы с дронами для высокоточного земледелия. Тот, кто осваивает искин (ИИ), получает не только волшебное средство молниеносной разведки и управления боевыми действиями, но и могучий инструмент для развития роботизированного, гибкого производства всего и вся. Тот, кто первым в мире создаст самовоспроизводящиеся робофабрики — мечту инженера Оликевича (технические подобиЯ живых клеток), и кто построит вокруг таких предприятий киберполисы-футурополисы, получат волшебный "рог изобилия", который сможет производить хоть потребительские блага, хоть массу дешёвого оружия. Тот, кто создаст долгоживущего человека со сверхспособ-

жучие проблемы, перед коими спасовали и янки, и европейцы, и китайцы с японцами, и корейцы с индийцами. И тогда миллионы твоих сограждан служат Отечеству не из-под палки, а самозабвенно, изобретательно, с огоньком и душой.

УДУШЛИВАЯ РЕТРОТОПИЯ

Сложившаяся в РФ общественно-экономическая система, как давным-давно сказал Александр Проханов, лишена "мобилизационного гена". Она рассчитана лишь на полную статику, на застой, на вечное сохранение порядка, где продолжается вторая глобализация и где страна — всего лишь ресурсно-сырьевой придаток уже не только богатого Запада, но и Китая, Индии и даже Турции с её индустриализацией. Реальный опыт показывает, что такое общественно-экономическое устройство косно, близоруко, что оно не верит в творческий гений русского народа и вечно плетётся в хвосте западных стран по части научно-промышленного развития. Ибо в глубине души "элита" наша всё равно благовоет перед "белыми господами" — вполне по-смердяковски. Да и в идеологии она устремлена не в Будущее, а в вечно прошлое. В непрерывные воспоминания о победах дней минувших. В тысячный раз отмечать полёт Гагарина или испытание первой атомной бомбы, поминать изобретение радио Поповым или первый в мире атомоход "Ленин", постоянно жить лишь памятью о подвиге в Великой Отечественной войне — излюбленное занятие нынешнего бомонда. Он даже не замечает, насколько это становится архаичным год от года, как из-за этого мы теряем умы и сердца молодёжи. Можете ли вы предъявить хоть один

образ лучезарного и победоносного, пленительного Будущего РФ? Ни единого. Нас всё время обращают в прошлое. Наш истеблишмент откровенно ретротопичен. А если так — построить жизнеспособную мобилизационную модель невозможно. Лев Гумилёв, конечно, фигура спорная, но то, что происходит нынче в РФ, чётко вписывается в его теорию этногенеза: в картину того, как угасающий и вымирающий этнос переходит в мемориальную фазу, в стадию вечных воспоминаний о былых победах. Память подвига нашего народа в Великой Отечественной войне священна, никто не отнимет у нас того, что первым человеком в космосе стал русский лётчик. Но чтобы грандиозные достижения минувших дней не тускнели, не затерялись и не превращались в пыльную архаику, нужны новые Гагарины, новые великие свершения и прорывы.

Косность и ретротопия крайне дорого обошлись нам в нынешней войне. Ибо противник всё время ведёт в военно-технической гонке, и РФ следует за ним, а не наоборот. История с боевым беспилотьем — тому ярчайшее подтверждение. Когда мы стали развивать дронницу всерьёз? Лишь столкнувшись с БПЛА Украины на полях сражений в 2022 году. А когда бандеровцы запустили программу "Армия дронов"? В 2015-м, на семь лет раньше нас.

ПУТЬ К "ФУТУРОСЛАВЛЮ"

Посему мы должны сделать пока что неутешительный вывод: попытка мобилизации в исполнении нынешней общественно-экономической системы, нынешней госбюрократии и её подголосков выродится в самый туловищный — вышеописанный — вариант, который в самые жуткие исторические сроки истощит РФ и приведёт к её обвалу. Исправить та-

кое положение могут лишь те, кто с госбюрократией не связан. Следует признать, что и Образ Будущего, и мобилизационная модель нужны были до нынешней войны. Она продолжается уже пятый год, и вряд ли мы справимся с задачей построения мобомодели до конца украинской кампании. Время, увы, упущено. Хотя опускать руки тут нельзя. Придётся признать, что эта проблема была уже в позднем СССР. Но просто сидеть и горевать преступно. Мобилизационная модель, жидущаяся на русском Образе Грядущего, нужна нам в послевоенном мире. Да, нынешняя кампания завершится перемирием. Это будет всего лишь межвоенным периодом, интербеллумом перед новым кругом битв. Причём нам придётся выживать под гнётом санкций. И тут (если перефразировать товарища Сталина) нам без Образа Будущего и жизнеспособной мобилизационной модели — смерть. Как же этого добиться? Тут нужен настоящий проект, который я назову "футурославлем". Да, в рамках Изборского клуба. Он может быть лишь коллективным, соборным, включающим в себя разные поколения мыслителей и новаторов. На пути такого творчества будет немало препон и вызовов, порой старых и закореневших. Но ради нашего Завтра мы обязаны предпринять такую попытку. И об этом мы подробнее поговорим во второй статье. Бороться нужно до конца, вопреки всему. Павшим духом тут не место...

Максим КАЛАШНИКОВ

Окончание следует

На фото: пилотажная группа ВКС «Русские витязи» выполняет фигуру «роспуск после набора высоты»